

«Мы проводя под током...»

Каше. правда. - 1998. - 2 марта. - с. 8.

В последнее время вновь поднялась волна скандальных публикаций о взаимоотношениях Бориса Пастернака и Ольги Ивинской. Каковы же они были на самом деле?

Когда в октябре 1946 года в жизнь Бориса Пастернака, по его словам, «вошло это золотое солнце», ему было 56, ей 34. Ольга Ивинская, наполовину полька, на четверть немка, очаровательная, светлая, золотая: эпитеты Пастернака. Он должен был упасть в эту страсть, как в омут, с головой.

За два года до смерти Борис Пастернак в письме своей немецкой адресатке Ренате Швейцер вспоминал: «...я познакомился с молодой женщиной - Ольгой Всеволодовной Ивинской... она и есть Лара моего произведения... она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования... Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела...»

Она увлекалась стихами. Его стихами - давно, горячее всего. Сама писала. Первый муж повесился, узнав, что она его разлюбила, а полюбила его врага и соперника. Второй муж донес на ее мать, в результате та провела три года в лагере. Он умер. От двух мужей остались дети: Ира и Митя. Влюбляла в себя и была влюблена, страсти клубились вокруг. Дрожа от страха, вручила Пастернаку тоненькую тетрадку, исписанную за одну ночь, с признанием обо всем в ответ на его признание: «Несмотря на свое безобразие, я был много раз причиной женских слез». Он думал, что безобразен. Или приотворялся, что думает. В нем была эта склонность к игре, скорее для себя, чем для прочих. Абсолютная искренность мешалась с нежеланием задеть другого человека, причинить ему неудобство. Возможно, так действовал инстинкт самосохранения.

Она не могла не открыться о себе друг перед другом до конца, считая, что назначены друг другу. Он добавил пророчески:

«Я не хочу, чтобы вы когда-нибудь плакали обо мне. Но наша встреча не пройдет даром ни для вас, ни для меня».

Не прошла. В первую зиму поехали к Марии Юдиной, великой пианистке. Заблудились в рождественскую метель, не могли найти точного адреса, увидели сквозь замерзшее стекло мигавший канделябр, оказалось, это и был нужный дом и нужная квартира. Музыка действовала на Пастернака, как волшебство. Осталось знаменитое:

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.*

Даже если бы результатом его встречи с Ольгой Ивинской стало только это, уже он был бы оправдан в мире любви и мире поэзии (как будто такое оправдание требуется). Было написано еще много прекрасного.

*Сними ладонь с моей груди,
Мы проводя под током,
Друг к другу вновь, того гляди,
Нас бросит ненароком.*

Четырнадцать лет, проведенных вместе, дадут великого позднего Пастернака - с циклом стихов «Когда разгуляется», с романом «Доктор Живаго».

Сначала роман назывался «Мальчики и девочки». «Это все ты, Лелюша! Никто не знает, что это все ты, ты водила моей рукой, стояла за моей спиной - всем, всем я обязан тебе», - писал Пастернак Ивинской. Опираясь на это письмо, органы просто(душно?) припишут авторство романа ей, когда арестуют ее во второй раз. Более сообразительный поэт Алексей Сурков ограничится тем, что заклеит ее как авантюристку, заставившую Пастернака писать «Доктора Живаго» и передать его за границу, чтобы лич-

но обогатиться». Ее посадят якобы за контрабанду, вменив в вину получение из-за границы полагающихся Пастернаку денег (в советской валюте). Поэт Сурков назовет ее «уголовницей» за первый лагерь, хотя тогда у нее была политическая статья.

И в первый, и во второй раз ее взяли за Пастернака.

Осенью 1949 года от нее добились, чтобы она сказала, что они с Пастернаком собирались бежать за границу, что он антисоветский писатель, а также английский шпион. Английский - поскольку в Англии жили сестра и отец с матерью. Излюбленный их тезис: «сидите за стол Англии и Америки, а ест русское сало».

Ее отвезли на Лубянку, когда она была беременна от Пастернака. Издеваясь, пообещали свидание с ним. И привели... в морг Лубянки, оставив одну среди трупов и заперев дверь. Без сил опустилась в какую-то холодную жижу.

Когда вернули из морга, у нее произошел выкидыш.

В эти же дни Пастернак писал стихи:

*Как будто бы железом,
Обмокнутым в сурьму,
Тебя вели нарезом
По сердцу моему.*

Узнав о ее аресте, расплакался: «Вот теперь все кончено, ее у меня отняли, и я ее никогда не увижу, это - как смерть, даже хуже...» Последует его инфаркт.

Она вышла в 1953-м. Он не захотел ее видеть. Он написал ее дочери Ире, что прежние отношения невозможны и она должна объяснить это матери.

Почему он это сделал? Ирина в своей книге «Легенды Потоповского переулка» говорит о почти эстетической причине. Так он не хотел встречаться с сестрой после многих лет разлуки. Он боялся, что увидит постаревшую, незнакомую женщину. И Ольга, опасаясь, стала другой, постарела, подурнела - это нанесет ему новую рану.

Ольга, наоборот, странно помолодела: говорят, заключение делает иногда подобное. И они опять бросились в объятия друг друга.

Ахматова сказала о нем: «Божественный лицемер».

Литературные и партийные чиновники, сурово выговаривая Пастернаку за присуждение ему Нобелевской премии, назовут его «двурушником». Было такое большевистское клеймо, каким в СССР клеймили нестойких. В семье Ивинской словечко прижилось. Так же, как: «классик» или «классюша». Но произносилось ласково. Не в политическом - в домашнем смысле. Впрочем - и зло тоже.

Полубив Ивинскую, Пастернак не стал ничего менять в семейном укладе. Продолжал жить на два дома, на две семьи, на две дачи в Переделкине - «большую», где обитала Зинаида Николаевна, хранительница очага, и «малую», что сняла Ольга Всеволодовна, душа и любовь. Он так и станет говорить: «Ольга Всеволодовна - это все равно, что я, это душа моя, это моя вторая жизнь, и то, что говорит Ольга Всеволодовна, - это говорят мои уста».

Ей бывало мало этого. «...нет-нет да предъявляла я Боре какие-то свои на него бабы пра-

Их снова и снова бросало друг к другу...

ва». Еще откровеннее: «Хотелось, наверное, зависти и признания». И вполне расчетливо: «Я разозлилась не на шутку. Интуитивно я догадывалась, что больше, чем кто бы то ни было, нуждаюсь в защите именем Пастернака и заслужила его».

«И манит страсть к разрывам...» Когда случалась ссора, он заклинал: «Нет, нет, Олюша! Это уже не мы с тобой!»

Э т о

Она вышла на свободу в 1953-м. Он не захотел её видеть... Боялся, что увидит постаревшую, незнакомую женщину.

уже из плохого романа! Это уже не ты!» Она отвечала: «Нет, это я, это именно я! Я живая женщина, а не выдумка твоя!»

Она сняла дачу на берегу Измалковского озера, отдав комнаты детям и матери, а себе оставив стеклянную террасу. Пастернак изумился: «Ведь я просил тебя снять нам убежище, а ты сняла фонарь; сознайся, что это странно, Лелюша». Не хотелось ли ей, чтоб их жизнь, их связь была на просвет?

*Мы сядем в час и встанем
в третьем,
Я с книгой, ты с вышиваньем,
И на рассвете не заметим,
Как целоваться перестанем.*

Он пытался объяснить: «Я ужасно, как всегда, люблю тебя... Фантазировать сверх этого немислимо и неисполнимо...»

Пытался то ли обмануть, то ли обмануться: «Эта атмосфера молчаливого допущения и согласия исходит даже от Зины».

Пытался предостеречь: «Никого не посылай на дачу, ни, тем более, не пробуй зайти сама. Любое отклонение от заведенного и ставшего привычным перевернуло бы весь образ жизни...»

Пытался потрафить ее самолюбие: «Нити более тонкие, связи более высокие и могучие, чем тесное существование вдвоем на глазах у всех, соединяют нас, и это хорошо всем известно».

Растопить ее обиду: «...чем бережнее я к ним и чем они мне милее, тем больше и глубже я тебя ловлю, тем виноватее и пе-

чальнее. Я тебя обнимаю страшно-страшно крепко, и почти падаю от нежности и почти плачу».

Нежность побеждала. Она прижимала его большую седую голову к себе, они целовались самозабвенно, вновь принадлежа друг другу.

Недрузи полагали, что она приблизила его конец. Его конец приблизила травля. В потрясающем стихотворении «Нобелевская премия» все сказано:

*Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля,
свет,*

*А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...*

Пастернак умер 30 мая 1960 года. Она узнала об этом в шесть утра и тут же явилась на «большую дачу». В книге «В плену времени» упомянула обращенные к ней сочувственные слова Константина Паустовского, в которых «отсутствовало сомнение в подлинности моего горя». Стало быть, у других сомнение было?

Она была такая, какая была. И он - такой, какой был. Со всеми их психологическими сложностями, слабостями и силой. Когда остроумец Тынянов заметил, что Пушкин должен был жениться не на Гончаровой, а на пушкиноведении, он заметил это и для всех последующих знатоков, кому точно известно, как должен поступать всякий из великих, особенно с любовью...

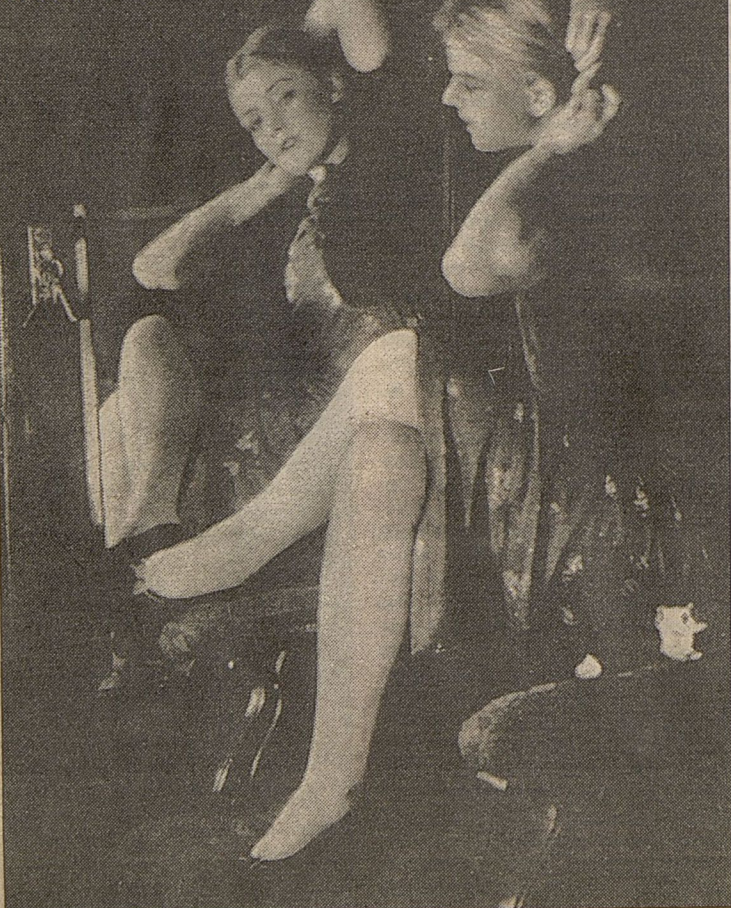
Ивинскую арестуют осенью 1960-го, через два с половиной месяца после смерти Пастернака. Она получит восемь лет лагерей. Ее дочь Ирина - три года.

Во время первого ареста КГБ отобрал у Ивинской все письма, все книги Пастернака с дарственными надписями. Перед вторым арестом изъяли подаренную им пьесу «Слепая красавица». Книги вернули Пастернаку. Боясь или не желая огорчать Зинаиду Николаевну, он вырвал все листы с посвящениями Ивинской. Исчезла страница из книжки стихов с надписью 4 апреля 1947 года: «Жизнь моя, ангел мой, я крепко люблю тебя».

Пастернак восстановит ее позже.

Ольга КУЧКИНА.

Зеркало не обманывало: она действительно была хороша собой.

Ташметрмине

Борис

02.03.98